

Безгин Владимир Борисович, Ерин Павел Викторович

ПОПЕЧЕНИЕ КАК ФОРМА КОНТРОЛЯ ВЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ ГУБЕРНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)

В статье изучена проблема социального контроля над жизнью российского села в конце XIX - начале XX века. Изучена степень эффективности деятельности земских начальников губерний Центрального Черноземья. Установлено отношение сельского населения к функционированию этой формы государственного попечения. Сделан вывод о том, что осуществление властной опеки проистекало из объективных реалий села, соответствовало крестьянскому менталитету и способствовало развитию правовой культуры деревенских жителей.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/10-2/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(84) : в 2-х ч. Ч. 2. С. 18-21. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

FLORAL MOTIFS IN THE APPLIED ARTS OF CENTRAL ASIA AND TATARSTAN

Baikova Ekaterina Vladimirovna, Doctor in Culturology, Associate Professor
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
baykovaekaterina@yandex.ru

In the article the structural-semiotic study of floral motifs in Central Asia and Tatarstan and the determination of their occurrence in the ornamental images of these cultures are presented. The author singles out the functions of protection and the fertility cult, interprets the folk ideas about the immortal gardens of the Muslim paradise, the fantastic and the real floral forms surrounding the inhabitants of the oases, and compares the floral cults and ornaments of mountain and plain areas.

Key words and phrases: floral motifs; Tatarstan; Central Asia; suzani; susanee.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье изучена проблема социального контроля над жизнью российского села в конце XIX – начале XX века. Изучена степень эффективности деятельности земских начальников губерний Центрального Черноземья. Установлено отношение сельского населения к функционированию этой формы государственного попечения. Сделан вывод о том, что осуществление властной опеки происходило из объективных реалий села, соответствовало крестьянскому менталитету и способствовало развитию правовой культуры деревенских жителей.

Ключевые слова и фразы: сельские общества; земские начальники; власть; крестьяне; сход; волостной суд; закон; преступность.

Безгин Владимир Борисович, д.и.н., профессор
Тамбовский государственный технический университет
vladyka62@mail.ru

Ерин Павел Викторович, к.и.н.
Мичуринский государственный аграрный университет
erin1987@mail.ru

**ПОПЕЧЕНИЕ КАК ФОРМА КОНТРОЛЯ ВЛАСТИ
(НА МАТЕРИАЛАХ ГУБЕРНИЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)**

Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта РФФИ № 15-01-00117а.

Проблема социального контроля и его действенности всегда была актуальной для исторических исследований. Поиск рычагов воздействия власти на общество с целью достижения лояльности населения и управляемости его общественной активностью значим и для современности. В эпоху перемен, влекущих рост девиаций в общественном поведении, наличие или создание такого механизма, как показывает исторический опыт, является одним из способов самосохранения власти.

Тема роли и значения института земских участковых начальников находится в поле исследовательского интереса ученых, о чем свидетельствуют научные публикации последних лет. Внимание специалистов привлекают вопросы целесообразности введения данного института [6] и действенности контроля над ним [5], а также содержания административных и судебных функций земских начальников [1; 9; 10; 14], их взаимоотношения с органами сельского управления и губернской администрацией [4; 5].

Цель статьи состоит в том, чтобы выяснить значение земских начальников в функции контроля власти над общественными отношениями в российской деревне конца XIX – начала XX в., их роль в борьбе с правонарушениями сельского населения, реакцию крестьян на создание и функционирование этого института.

Содержание работы основано на широком круге архивных и этнографических источников, включающих в себя материалы фондов участковых земских начальников, волостных судов, местной администрации губерний Центрального Черноземья периода 1880-1910-х гг.

Развитие российского села в пореформенный период обнаружило ряд явлений, имевших негативные последствия на состоянии социальных отношений в деревне. Тревогу власти вызывали ухудшение криминальной ситуации, противоречия и рост напряженности на сходах, низкая управленческая культура выборных должностных лиц, состояние волостного судопроизводства. Исправить ситуацию был призван институт земских участковых начальников, введенный законом от 12 июля 1889 г. Его созданием преследовалась цель соединить попечительство над сельскими обывателями с обязанностями по охране благочиния и общественного порядка. Следует признать, что сама форма контроля вполне соответствовала традиции крестьянского патернализма. Подтверждением тому служит записка неизвестного автора на имя В. К. Плеве, в которой он утверждает, что крестьяне одобряли допущенное законом 12 июля 1889 г. расширение надзора за сельским самоуправлением и некоторое ограничение его самостоятельности [7, д. 134, л. 14].

Контроль земских начальников над сельскими обществами выражался в требованиях к соблюдению необходимых формальностей при составлении приговора и проверке правильности принятых им решений. Приговор сельского схода подлежал обязательному утверждению со стороны участкового земского начальника. По закону 1889 г. не предусматривалось присутствие земских начальников на крестьянских сходах. Однако губернские власти были крайне заинтересованы в том, чтобы органы крестьянского самоуправления находились под постоянным надзором со стороны земских начальников. Так, тамбовский губернатор в уведомлении на имя земского начальника Моршанского уезда прямо требовал, чтобы тот был в курсе всего, что происходило на сходах [8, д. 210, л. 5]. Тамбовский уездный съезд разъяснял крестьянам, что земский начальник по положению своему не только в праве, но и обязан входить в рассмотрение всех нужд населения своего участка и не только ограничиваться советом, но и принимать активное участие в делах крестьян на сходах [Там же, д. 1771, л. 53].

Стоя на страже закона, земские начальники следили за тем, чтобы принятые сходом решения соответствовали интересам сельского общества в целом. Результаты такого контроля не преминули сказаться, что было отмечено местными жителями. Так, по сообщению (1898 г.) из Кромского уезда Орловской губернии, «с введением земских начальников влияние “миродов” на сходе ослабло, а наиболее активные “горлопаны” были даже посажены под арест» [2, д. 1161, л. 14]. Таким образом, посредством вмешательства земских начальников в решение общественных дел преодолевалось засилье деревенской верхушки, проявление эгоизма среди кулачества в распоряжении мирскими угодьями.

Административные функции земских начальников были весьма многообразны и охватывали собой решение практически всех насущных проблем деревенской повседневности. Показательным в этом отношении является отзыв И. Морозова из с. Хотькова Карачаевского уезда Орловской губернии. В своем отчете от марта 1898 г. он сообщал о том, что их земский начальник регулярно посещает селения с целью проверки сомнительных приговоров, установления размера общественных убытков, для разрешения земельных споров, осмотра хозяйств, нуждающихся в оказании продовольственной помощи. Автор указывал, что начальник особо строго следил за тем, чтобы общественные земли не «пропивались», в случае обнаружения такового нещадно штрафовал виновных [Там же, д. 1102, л. 6, 8]. Таким образом, наличие контроля над сельским самоуправлением со стороны земского начальника объективно вело к тому, что при принятии решений сход был вынужден в большей мере руководствоваться требованиями закона.

Благоприятно сказывалась деятельность земских начальников и на моральном климате сельской жизни, которая была подвержена в период модернизации нравственной эрозии. В 1891 г. воронежский губернатор с удовлетворением отмечал, что практика угощения водкой на сельских и волостных сходах устранена, и в этом он усматривал заслугу земских начальников [4, с. 122]. Его коллега из Орла, подводя итог пятилетней деятельности этого института, сообщал, что крестьяне относятся к земским начальникам с уважением, считая их службу полезной. По его мнению, «благодаря их деятельности повысился нравственный уровень сельского населения, взамен питейных заведений в селениях губернии открываются школы, библиотеки и читальни» [Там же].

Исстари сельский мир поддерживал внутреннюю солидарность и боролся с криминальным элементом в своей среде посредством удаления из общества его порочных членов. Теперь по закону приговор сельского схода о выселении из общества требовал его последующего утверждения со стороны земского начальника. Как свидетельствуют документы, окончательное решение он принимал в зависимости от обстоятельств дела, поэтому мог одобрить мирской приговор или его отменить. Например, в с. Княжая Байгора Княже-Байгородской волости Усманского уезда Тамбовской губернии общество крестьян приняло решение выселить односельчан за кражи и порочное поведение. Однако местный земский начальник его не утвердил, полагая, что подлежащие выселению крестьяне «ранее не судимы, ведут себя не дерзко, имеют малолетних детей, ведут хозяйство, в краже замечены один раз» [8, д. 222ж, л. 15, 15 об., 16]. Напротив, когда в 1908 г. крестьяне с. Гладышева Тамбовского уезда той же губернии составили приговор об удалении из общества за порочное поведение крестьянина Романова, этот приговор земский начальник утвердил по причине весомости доказательств и передал его на одобрение в губернское присутствие [Там же, д. 222в, л. 17, 18].

Обширен был круг вопросов, решаемых земскими начальниками. Нередко им приходилось прибегать к разрешению тех проблем, которые не входили в их обязанности, но требовали оперативных действий в силу возникших обстоятельств. Так, активное участие земские начальники губерний региона приняли в борьбе с голодом и холерой в 1891-1893 гг. [12, д. 18, л. 6 об.]. Оценка их деятельности в это трудное для российского села время дана в сводной записке «О положении крестьян Орловской губернии». В ней, в частности, говорилось о том, что во время голода земский начальник Кромского уезда Орловской губернии Тищенко лично обходил дворы, выявлял и составлял списки крестьян, нуждающихся в ссуде хлеба. А в период эпидемии холеры он без страха ходил по избам и рассказывал о необходимости соблюдения санитарных мер [7, д. 114, л. 94, 95].

Отношение крестьян к деятельности земского начальника выяснено посредством изучения архивных материалов. В них содержатся следующие оценки: «...видели в нем своего начальника, руководителя, советника во всех делах, а потому все они обращались к нему без всякого страха» [Там же, л. 94]; «...встречали его, сняв шапки, вели себя тихо и смиренно, иногда просили советов» [Там же]. Одобрение у местных жителей вызывала и та решительность, с которой земский начальник «пресекал всяческие правонарушения» [2, д. 992, л. 1]. О своем начальнике они говорили, что он «пощады и потачки виновному давать не любит» [Там же, д. 1014, л. 10]. Понятно, что в каждом конкретном случае это отношение крестьян к «земскому» зависело от его манеры поведения, решений и действий.

Если дать обобщенную оценку, то следует признать, что в целом отношение местного населения к земским начальникам было положительным. Во-первых, крестьяне видели в них представителей верховной

власти, признавая за ними право осуществлять суд [Там же, д. 992, л. 1], наказывать за нарушения выборных лиц сельского управления [7, д. 114, л. 113]. Во-вторых, теперь они могли быть уверены, что незаконное решение сельского схода будет отменено, а неправосудный приговор волостного суда – обжалован. А самое главное, в стремлении защитить свои права у крестьянина возникла возможность выйти за рамки общины. В лице представителя коронной власти он видел того, кто может защитить его интересы, ущемленные «мирской волей», что объективно способствовало развитию гражданского правосознания крестьян.

Земские начальники являлись для местного населения низшей судебной инстанцией. Осуществление ими судебных функций облегчалось тем, что в прошлом многие из них были мировыми судьями и знали законы и судебную практику. Да и дела, подлежащие их разрешению, требовали не столько специальные юридические познания, сколько здравый смысл и знание особенностей сельской жизни. В отчете о судебной деятельности земских начальников за 1894 г. отмечалось, что «все гражданские дела, рассмотренные 22 земскими начальниками, возникли на сельскохозяйственной и бытовой почве, с той только разницей, что в одних эта связь с деревенской жизнью очевидна, а в других она более или менее скрыта, ибо все земельные и прочие хозяйственные отношения легко переводятся на деньги» [13, д. 115, л. 22].

Совмещение одним лицом административных и судебных функций, критикуемое либеральной общественностью, на практике способствовало оперативному разрешению правовых коллизий, возникавших в сельской повседневности. Вот что по этому поводу написал в своем отчете о результатах ревизии ряда губерний в 1894-1895 гг. А. В. Кривошеин: «Это позволяет быстро и верно реагировать на преступления типа лесных порубок, беспатентной торговли вином, нарушения строительного устава» [Там же, л. 10, 15]. По мнению орловского губернатора, сам «характер рассматриваемых земскими начальниками судебных дел был настолько близок и связан с характером их административной деятельности, что едва ли нашлось другое чисто юридическое учреждение, которое могло бы их направить и разрешить» [11, д. 18, л. 4].

В судебной деятельности земских начальников в конце XIX в. преобладали административные дела. Из донесения орловского губернатора земскому отделу МВД от 18 декабря 1894 г. следовало, что за 1893 г. земскими начальникам было рассмотрено административных дел – 8161, уголовных – 6135 [12, д. 18, л. 1-3]. Спустя полтора десятилетия ситуация изменилась, и в судопроизводстве земских начальников преобладали уже уголовные дела. Так, по данным на 1908 г., количество судебных дел, находившихся в производстве у 67 земских начальников Воронежской губернии (17142 дела) в 2 раза превышало число административных (8547 дел). В 1909 году судебных дел (18048) было в 2,8 раза больше, чем административных (6362) [3, с. 166]. Такой тренд свидетельствовал о том, что число правонарушений в российском селе продолжало расти, то есть девиантное поведение, а в ряде случаев и преступные деяния, получали все большее распространение в крестьянской среде.

Рост преступности в российском селе в конце XIX – начале XX в. вел к увеличению числа судебных дел. Если, как следует из донесения тамбовского губернатора министру внутренних дел от 13 ноября 1894 г., на одного земского начальника в среднем в год приходилось около 100 судебных дел [12, д. 17, л. 1 об.], то через десять лет количество таких дел увеличилось вдвое. Возросшая нагрузка приводила к тому, что часть дел оставалась без движения. Так, по подсчетам К. А. Мироненко, в 1895 г. из 1096 уголовных дел, поступивших земским начальникам Тамбовского уезда, нерешенных оказалось 27,4%, по гражданским делам – 18% [10, с. 65]. В Воронежской губернии земские начальники в 1908 г. и 1909 г. не разобрали до 31,5% судебных дел, в 1910 году неразрешенными осталось 30,5% судебных дел, а в 1911 г. – 33,7% [3, с. 167]. Таким образом, в течение года не было принято решение по каждому третьему делу.

Деятельность земских начальников не была лишена изъянов. Так, содержание крестьянских жалоб свидетельствует о фактах злоупотребления властью некоторых земских начальников, нашедших подтверждение в ходе их рассмотрения. Одна из таких жалоб была возвращена орловским губернатором земскому начальнику 3-го участка Н. И. Подымову. Ее автор, крестьянин с. Коптева Болховского уезда Орловской губернии Алексей Самсонов, не удовлетворившись этим, направил прошение министру внутренних дел. В его тексте, датированном 29 апреля 1897 г., крестьянин сообщал, что за его обращение к губернатору он, по приказу земского начальника, был выпорот сотским. Затем был собран сход, на котором тот предложил его за дерзость удалить из общества. Но «мир» никакой вины односельчанина не усмотрел и предложение земского начальника не поддержал. В заключении письма Самсонов просил министра защитить его от произвола местного начальника [12, д. 17, л. 6, 7 об.]. Приведенный факт показателен не столько реакцией начальника на дерзость заявителя, сколько решимостью жалобщика опротестовать незаконность его решений. Крестьянин считал возможным обжаловать действия земского начальника перед губернатором. Не найдя защиты от произвола местного «держиморды» в губернском правлении, он в поисках справедливости апеллирует к вышестоящей власти. И в этом, на наш взгляд, уже не только дань традиции крестьянских челобитных прошлого, но и показатель формирующегося гражданского достоинства, осознания законности своих прав.

При всех имеющихся в деятельности земских начальников недостатках, их участие в организации сельского управления, контроль над волостным судопроизводством позволяли оперативно пресекать нарушение закона, а следовательно, объективно способствовали утверждению правомерного поведения и развитию правовой культуры сельских жителей.

Данная форма государственного попечения выступала преградой проявлению эгоизма сельской «верхушки» в решениях схода, пресекала злоупотребления и повышала ответственность должностных лиц сельской администрации, приучала волостной суд руководствоваться в своей деятельности не только обычаем, но и законом. Если эта мера и не вписывалась в канву движения к правовому государству и гражданскому обществу, то была вполне соразмерна реалиям деревенской жизни, а самое главное – соответствовала менталитету русских крестьян.

Список источников

1. **Аверичева О. М.** Судебная деятельность земских начальников: успехи и упущения // Традиционная культура на территории российско-белорусского пограничья: историко-этнографический и лингвокультурологический аспекты: мат-лы XIV междунар. науч.-практ. конф. Брянск: РИО БГУ, 2012. С. 65-76.
2. **Архив Российского этнографического музея (АРЭМ).** Ф. 7. Оп. 2.
3. **Башкирева Н. В.** Институт земских начальников как орган административного управления и судебная инстанция в Российской империи конца XIX – начала XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2010. № 13 (84). Вып. 15. С. 160-167.
4. **Безгин В. Б.** Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М. – Тамбов, 2004. 304 с.
5. **Бузанова Н. А.** Земские начальники как объект контроля (на материалах Тамбовской губернии) // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2017. Т. 22. Вып. 3 (167). С. 121-128.
6. **Гинев В. Н.** Земские начальники: объективная необходимость или реакционная контрреформа? // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 4 (8). С. 47-64.
7. **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).** Ф. 586. Оп. 1.
8. **Государственный архив Тамбовской области (ГАТО).** Ф. 23. Оп. 4.
9. **Краковский К. П.** Земские начальники и мировая юстиция (реформа местного суда 1889 г.) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2017. Вып. 1 (19). С. 53-95.
10. **Мироненко К. А.** Судебная практика в работе земских начальников Тамбовской губернии конца XIX – начала XX века: положительный и отрицательный опыт // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. Вып. 3. С. 59-66.
11. **Российский государственный исторический архив (РГИА).** Ф. 1291. Оп. 38.
12. **РГИА.** Ф. 1291. Оп. 39.
13. **РГИА.** Ф. 1571. Оп. 1.
14. **Сорокин А. А.** Реформа волостного суда в 1890-е годы (по материалам комиссии Н. В. Муравьева) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2016. № 6. С. 68-74.

**STATE CARE AS A FORM OF STATE CONTROL
(BY THE MATERIAL OF THE PROVINCES OF THE CENTRAL BLACK EARTH REGION)**

Bezgin Vladimir Borisovich, Doctor in History, Professor
Tambov State Technical University
vladyka62@mail.ru

Erin Pavel Viktorovich, Ph. D. in History
Michurinsk State Agrarian University
erin1987@mail.ru

The article analyzes the problem of social control over the life of the Russian countryside at the end of the XIX – the beginning of the XX century. The authors examine the efficiency level of Zemstvo chiefs of the Central Black Earth region; identify the attitude of rural population to this form of state care. The paper concludes that implementing state custody was conditioned by objective realia of countryside, satisfy peasant mentality and promote the development of countrymen's legal culture.

Key words and phrases: rural communities; Zemstvo chiefs; power; peasants; gathering; volost court; law; crime.

УДК 18; 261.6; 75.03; 130.2; 7.036

Философские науки

Статья посвящена вопросам взаимодействия наготы, телесности и духовности женского образа в изобразительном искусстве начиная со Средних веков и до настоящего времени. Репрезентация обнаженного женского тела в разнообразных статусах делает актуальным рассмотрение наготы и ее связи с телом и душой в эстетическом дискурсе. Особое внимание уделено изменениям пластики и пропорций женского тела, его наготы, статусу, установлено, что не только тело, но лицо и руки являются первостепенными средствами выразительности.

Ключевые слова и фразы: феминность; икона; нагота; культура; Богоматерь; творение.

Белова Дарья Николаевна, к. филос. н.
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
darinda2006@yandex.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАГОТЫ, ТЕЛЕСНОСТИ И ДУХОВНОСТИ ЖЕНСКОГО ОБРАЗА В ЖИВОПИСИ

У человека с открытой душой и лицо открытое.

Иоганн Шиллер

Идеал красоты ассоциируется с феминностью тела, которое сопоставляется с материалом искусства. Женщина выступает как произведение искусства, привлекая внимание к изображению обнаженного тела, «взгляд на реальную женщину как на произведение искусства исходит из представления о маскулинном